

ГЛАВА 1

Если малолитражка с буквой «У» на заднем стекле включила правый поворотник, значит, она сейчас поедет налево.

Ярко-красная «букашка» метнулась в сторону моего седана, очутилась прямо перед капотом и тут же, резко притормозив, поползла вперед с черепашьей скоростью. Я перестроился в левый ряд, обогнал автомобиль, который только что сделал все возможное для того, чтобы я смял его багажник в гармошку, и увидел открытое окно водительской двери. За рулем сидела симпатичная молодая особа. В одной руке она держала телефон, второй нажимала на кнопки. Я опустил стекло и крикнул:

— Девушка!

Блондинка отвлеклась от отправления эсэмэс и взглянула в мою сторону. Я улыбнулся:

— Разрешите представиться: Иван Павлович Подушкин. То, что вы, предупредив о повороте направо, резко ушли налево, меня не удивило, я заранее приготовился к такой ситуации. Но разрешите дать вам совет. Если вы обогнали кого-то, не тормозите резко, наоборот, нажмите на газ, иначе...

— Да пошел ты! — ангельским голосом перебила меня девица-красавица. — Я не знакомлюсь на дороге с ...!

Я вздохнул, проехал вперед, свернул на парковку и через пару минут вошел в магазин.

Вчера собака Демьянка утащила из гардеробной мой кашемировый пуловер, отнесла его в гостиную на диван, свила из него гнездо и задала в нем храпака. К сожалению, мой помощник во всех делах Борис не заметил, сколь уютно устроилась псинка. И когда он вечером решил вывести собаку на прогулку, тонкая шерсть свитера оказалась порвана, потому что Демьянка взбивала ее лапами, а когти у нее кошачьи, они не убираются. На дворе январь, холодно, желание надеть нечто теплое, мягкое, уютное свойственно не только прекрасным дамам, но и суровым мужчинам. Вот почему я прикатил в магазин «Луиза и Луи». Да, цены в нем отнюдь не демократичные, но настоящий кашемир дешево не купишь.

Я начал бродить по залам, отобрал несколько вещей, поискал глазами продавца и заметил Семена, владельца лавки. Он быстро приблизился ко мне:

— Всегда рад вас видеть, Иван Павлович.

— Господин Занавесин, вы сегодня сами обслуживаете покупателей? — удивился я. — Не царское это дело.

— Грипп служащих подкосил, — пожаловался Семен. — Вчера резко похолодало, народ полетел за свитерами.

— Во всем плохом есть изрядная доля хорошего, — оптимистично заметил я, — много хлопот, но и прибыль растет.

— Ваши слова да богу в уши, — улыбнулся хозяин магазина. — Иван Павлович, обратите внимание на канареечный пуловер.

— Не мой цвет, лучше терракотовый, — возразил я и чихнул от того, что нос уловил запах тяжелых духов.

— «Ночь восточной луны», — сказал Семен, — самый модный аромат сезона. У меня от него голова вмиг болеть начинает.

— Понимаю вас, — кивнул я, — удушающий парфюм.

— Иван Павлович, — продолжил Семен, — вы гениальный частный детектив. Надо помочь одной женщине, Эмме Шмидт. Я оплачу все расходы.

Я опять чихнул.

— Лучше поговорить в тихом месте. От кого так сильно пахнет? Вроде мы с вами здесь одни.

— Возможно, распространитель газового оружия находится за стойкой с товаром, мы даму не видим, — понизил голос Семен. — Вы правы, лучше нам уединиться. Заодно покажу вам новые поступления, мы еще не успели выложить их в зал. Вас не затруднит зайти в подсобное помещение? Вход в него в противоположном конце зала.

— Там, где расположена одинокая, стоящая отдельно от всех кабинка? — уточнил я. — Давно хотел спросить, почему все примерочные в зале слева, а эта справа? Она предназначена для особых клиентов?

— Нет, — засмеялся Семен, — когда мы открылись, то не рассчитывали стать двухэтажным бутиком, который будет головным в сети «Луиза и Луи». Я сделал одну примерочную, вначале ее хватало, но потом расширился, а свою первую кабинку оставил как память о начале бизнеса.

Семен подвел меня к двери с табличкой «Только для персонала» и вдруг пробормотал:

— Ага...

Я обернулся:

— Что-то не так?

Хозяин быстро открыл дверь:

— Заходите. Кажется, я заметил магазинную воровку.

— Да? — удивился я. — Как вы поняли, что посетительница нечиста на руку?

Семен открыл глазок в двери.

— Полюбуйтесь. Что вы думаете? Ваше мнение по поводу сей красавицы?

Я прильнул к отверстию.

— О! Я видел недавно эту девушку, она чуть не устроила аварию на дороге. У нее одна из самых дорогих «женских» иномарок, модные одежда, сумка, обувь. В руках она держит гору кашемира. Скорей всего блондинка или удачно вышла замуж, или у нее богатые щедрые родители. Понимаю, дама с липкими лапками, которая промышляет в бутиках, должна достойно выглядеть, иначе ее просто не пустят внутрь. Но эта покупательница не похожа на воровку, она явно из нуворишей. Зачем разбойничать, если кошелек полон?

Семен усмехнулся:

— Иван Павлович, среди тех, кто уносит товар, «забыв» заплатить, много женщин с золотыми кредитками в кошельках. Почему они крадут, если легко могут расплатиться? Одних жестко контролируют мужчины, выдают на личные расходы строго фиксированную сумму. Другим нужен драйв, им скучно жить, стянут платье и хвастаются перед подружками: «Вот что унесла и ни копейки не заплатила».

— Но эта девушка выглядит мило, у нее почти детское лицо, — возразил я. — Правда, она не стесняется произносить площадную брань. Но употребление мата и воровство не всегда идут рука об руку.

В моем кармане звякнул мобильный, прилетело эсэмэс, текст которого меня озадачил: «Как какает павлин?» Я перечитал послание несколько раз и призадумался. Телефона отправителя в моих контактах нет. Увы, встречаются люди, которые от скуки шлют глупости на номер, который они набрали методом «тыка». Нажали пальцем куда ни попадя, и... получил Иван Павлович вопрос: «Как какает павлин?» Сейчас заблокирую на всякий случай сей номер...

Но сделать задуманное мне не удалось, потому что Семен посмотрел в глазок и шепнул:

— Иван Павлович, предлагаю пари. Если покупательница срежет защиту, вы поможете Эмме Шмидт, о которой я вам только что говорил, у нее мужа посадили. Коли девица просто померяет свитера, я подарю вам любой мужской пуловер на выбор.

— Кто же откажется получить зимой прекрасную теплую вещь? — улыбнулся я. — Приезжаю к вам третий раз за последние две недели, все ждал новых поступлений. Наконец-то они появились. И я могу даром получить свитер? По рукам.

Семен открыл дверь:

— Пойдемте к охране.

Через пять секунд мы очутились в небольшом помещении, где в окружении телевизоров сидел парень.

— Вова, включи нам первую кабинку, — попросил хозяин.

— За тем, как покупатели переодеваются, ведется наблюдение? — удивился я. — Разве это позволительно?

Семен сложил руки на груди.

— За раздевалками в центре зала мы не следим, потому что около них всегда присутствуют два сотрудника. Один проверяет количество вещей, отобранных для примерки, если их больше трех, он просит оставить остальные на стойке, потом сам забирает то, что не подошло, и подает еще не примеренное. Второй продавец постоянно ходит между примерочными, которые закрыты занавесками, а не дверями. Если вдруг откуда-то донесутся странные звуки, консультант подойдет и спросит: «Вам помочь?» Он пресекает не только воровство, некоторые посетители используют раздевалку не по назначению.

— Сексом там занимаются, — уточнил охранник. — Вот придурки!

— А около первой примерочной никого нет, — продолжил Семен, — и она с дверью. На первый взгляд идеальное место для вора. Но нечистый на руку человек понятия не имеет о камере. Согласен, подсматривать за тем, кто меряет одежду, некрасиво. Однако не хочется терять дорогой товар. И почему мне лицо красотки знакомо?

— Она в зале несколько дней шныряла, — сказал секьюрити, — я заметил девчонку. Ходила, все рассматривала, с Нинкой болтала. Не нравится мне Нина, она хитрая, жадная, противная. Такая легко с ворами скорешится, помогать им станет. Во наглая! Гляньте! Ваще стыд потеряла!

Я посмотрел на экран и не поверил своим глазам! Блондинка вынула из сумки небольшой приборчик, поднесла его к пластмассовому кружку, который висел на пуловере... Раз! «Защита» отвалилась. Девушка проделала операцию трижды, потом сняла свою бесформенную кофту, надела одну за другой все дорогие вещи, сверху опять нацепила балахоноподобный наряд, одернула его, повертелась у зеркала, улыбнулась, скорчила гримасу...

— Нахалка чумовая! — возмутился Владимир. — Как правило, воры подозревают, что наблюдение есть. Так что они делают? Возьмут вещи, в придачу к ним пару больших шалей. Наденут свитер, сверху шали набросят, вроде их меряют, а сами незаметно защиту скovyрнут. И так несколько раз. Потом с одной шмотки бипер снимут, в карман положат, пуловер натянут, на него свою куртку. А прикид, в котором пришли, оставят на горе брошенных вещей в кабинке. Выйдет красотка в зал, бипер куда-нибудь сунет — и на улицу. Если ее остановят в дверях, она заморгает: «Ой! Простите! Замерялась совсем. Свою кофточку любимую в примерочной бросила, в вашей случайно ушла. А почему она не звенела?» И не притерешься к ней. Защиты на пуловере нет, в кабинке бипер не брошен, старое барахло покупательницы валяется на стуле, на остальном товаре «сторож» на месте. Ну, перепутала! Бывает. Полицию вызывать бессмысленно, все как случайность обставлено. А эта! Наглая морда! В открытую! Словно хочет, чтобы ее поймали! Беспредельщица!

— С ума сойти, — пробормотал я, — профессиональная воровка! Одетая так, чтобы посторонние не за-

метили, что красавица «капуста», носит при себе инструменты. У девицы ангельский вид! Ну как же так?

— Ох, Иван Павлович, честное слово, завидую вам, — усмехнулся Занавесин. — С течением лет вы ухитрились не потерять наивности и веры в то, что все люди порядочные, а если они воруют, то делают это исключительно из необходимости купить голодным деткам хлеба. Пойдемте, поймаем тырщицу за руку.

ГЛАВА 2

— Чего надо? — возмутилась девица, когда Семен преградил ей путь.

Я чихнул. В воздухе снова повис аромат удушающего парфюма «Ночь восточной луны».

— Пожалуйста, расстегните куртку и поднимите свой пуловер, — попросил Семен.

— Не имеете права обыскивать покупателей, — отказалась блондинка. — Чтобы я хоть нитку здесь после вашего хамства купила! Да никогда! Вот, держите!

Девушка швырнула на пол кучу пуловеров, которые несла в руках. Семен быстро зашел в кабинку.

— Право, некрасиво бросать вещи, — сказал я, — и не к лицу юной прелестной особе вести себя подобным образом.

Блондинка прищурилась:

— Здравствуй, совесть мира! Отвянь. О! Я тебя узнала, на дороге ко мне клеился. Не вышло на шоссе, так решил в магазине продолжить? Досвидос!

Семен вышел из примерочной:

— Не смею вас задерживать, сейчас провожу до кассы.

Я поразился до глубины души, но ничего не сказал. Наша маленькая компания достигла турникета, который покупатели должны миновать, чтобы оказаться на улице. Воровка спокойно двинулась вперед. Раздался противный звук.

— Простите, сделайте еще одну попытку, — сказал охранник.

— Из-за глюка аппаратуры я должна туда-сюда бегать? — зашумела блондинка.

— Пожалуйста, пройдите еще раз, — вежливо, но твердо попросил секьюрити.

Девушка скривилась, но повторила попытку, и опять завыл зуммер. Семен развел руками:

— Мы не имеем права обыскивать покупателей. Но поскольку аппаратура бесперебойно реагирует на посетительницу, я вынужден отвести вас в служебное помещение и вызвать полицейских. Они с соблюдением буквы закона проведут личный досмотр.

Воровка хотела кинуться к выходу, но охранник схватил ее за руку. Вскоре мы сидели в кабинете Семена, он спокойно сказал девушке:

— Полагаю, украденные вещи вы надели на себя, защиту срезали, но один бипер не заметили, или он случайно попал в вашу сумку. Поэтому прозвучал сигнал тревоги.

— Ха! Не врете! — заорала красавица. — Я очень аккуратно все ощупываю и...

Тут до нее дошло, что она на пике эмоций призналась в воровстве. Девушка закрыла рот, зато открыла сумку, вытряхнула содержимое на диван. На кожаную подушку вывалились: кошелек, права, пудреница, расческа, губная помада, горсть конфет, гора обе-

рток от шоколадок, мобильный и... пластмассовая «кнопка», которая «стережет» непроданный товар.

— Во!.. — выпалила красавица. — Откуда защита взялась? Я же ее...

Очаровашка снова прикусила язык.

— ...срезала, — продолжил за нее Семен, — вы бросили биперы в кабинке на пол, рядом, очевидно, стояла сумка, один случайно в нее и угодил. Бывает. Случается. Бог шельму метит. Ну, и как мы поступим?

Девушка вынула мобильный:

— Па! Это я! Па! Ну... мне деньги нужны... там нет... ой, па, стой.

В мою ладонь ткнулась трубка.

— Объясните папахену сами, — плаксиво протянула девица, — плиз!

Вместо того чтобы ощутить неприязнь к наглой особе, я почему-то ее пожалел и приложил телефон к уху:

— Добрый день! Разрешите представиться, владелец частного детективного агентства Иван Павлович Подушкин.

— Во!.. — подпрыгнула блондинка. — Сыщик!

— С кем имею честь общаться? — спросил я.

— Максим Петрович Загорский, отец несчастья по имени Наталья! Что на сей раз? — произнес приятный баритон.

— К прискорбию, должен вам сообщить: ваша дочь пыталась вынести из магазина несколько дорогих кашемировых свитеров, — пояснил я. — Поверьте, у владельца бутика нет ни малейшего желания приглашать полицию. Он настроен решить вопрос миром.

— Как? — коротко спросили из трубки.

Я передал телефон Семену.

— Хозяин магазина на проводе, — представился Занавесин. — Оплатите товар в десятикратном размере. Обещайте никогда не переступить порога ни одного моего магазина, их в Москве пятнадцать. И забирайте свою дочь. О'кей. Ясно. Мы принимаем только рубли. Сейчас пришлю вам эсэмэской сумму. У вас времени до пяти вечера. Если деньги не придут, я вызову полицию, оформим протокол. Отлично. Я рад такому решению.

Семен положил трубку на стол и взял паспорт воровки.

— Наталья Максимовна...

— Владимировна, — с вызовом поправила воровка. — Я живу с отчимом. Моя фамилия Коркина. Да, в паспорте указана другая. Меня в раннем детстве удочерили! Не спросив моего желания!

В кабинет заглянул крепкий мужчина.

— Звали, Семен Михайлович?

— Да, Петя, — кивнул владелец лавки. — Усади Наталью Владимировну в ВИП-приемной на третьем этаже. Вели подать ей чай-кофе, составь девице компанию. Ни под каким предлогом не оставляй ее одну. Попросится в туалет, дежурь около унитаза. Пусть она снимет наш товар, пересчитай единицы. Вскоре придет шофер ее отца, привезет деньги. За каждый ценник бери бабки в десятикратном размере. После оплаты упакуй приобретения, проводи госпожу Коркину на выход. Надеюсь, более мы с ней не встретимся.

— Наши желания совпадают! — гаркнула нахалка и удалилась.

Когда дверь за ней захлопнулась, Семен радостно констатировал:

— Ну, Иван Павлович, вы проиграли.

Я поднял руки:

— Признаю свое поражение.

— Поговорите с нашим главбухом? — попросил Занавесин. — Очень ваша помощь нужна. Сразу предупреждаю: Эмма имеет достойную зарплату, но в связи со всем этим кошмаром денег у нее нет. Я оплачу все расходы, не сомневайтесь.

Спустя минут пять дверь кабинета приоткрылась, появилась худенькая, почти прозрачная женщина.

— Можно?

— Входи, — кивнул Семен. — Знакомься. Это лучший детектив России Иван Павлович Подушкин. Он точно тебе поможет. Ну, я пошел в зал, а вы тут пошушукайтесь.

— Добрый день, — начала главбух, — меня зовут Эмма Фридриховна Шмидт, я родилась в семье этнических немцев. Дедушка был солдатом вермахта, его под Москвой взяли в плен, отправили сначала в лагерь, потом выяснили, что он преступлений не совершал, был простым рядовым, и отпустили его жить под надзором в городке Курлинск. До призыва в армию Франц Шмидт работал учителем в гимназии. Когда в Москве в пятидесятых годах решили открыть школу, где преподавание велось исключительно на немецком, из разных мест в столицу прислали бывших военнопленных педагогов. Дед стал завучем, обрусел, женился, родился мой отец. Спустя годы появилась внучка, то есть я, которая вышла замуж за Роберта Шмидта. У жениха и у ме-

ня фамилии одинаковые. Вот так. Я главбух, Роберт служил в банке «Крос». У нас хорошая семья, но жилищные условия были ужасные. Родители Роба умерли, свою двушку они завещали дочери Терезе. Сыну ничего не досталось, его отец и мать считали, что он может и обязан сам пробиться, а у Терезы вне брака родилась двойня. Хорошая сестра брата живо вон выставила. А я после смерти папы с мамой жила в комнате в коммуналке. Площадь большая, с балконом, в центре столицы, но под боком еще четыре соседа. Трое жильё сдавали приезжим.

Эмма махнула рукой:

— На кухне Средняя Азия просто. Пока нас с мужем двое было, еще ничего, потом семья увеличилась. Мы давно мечтали о собственном угле. У нас двое маленьких детей, на повседневные расходы хватает, а накопить не получается.

Я терпеливо слушал рассказ Эммы, ожидая, когда она наконец-то доберется до сути проблемы. Но вскоре понял: она не зря болтает, вся информация имеет самое непосредственное отношение к тому, что случилось в семье Шмидтов.

Некоторое время назад Роберт торжественно сказал жене:

— Эмик, поехали.

— Куда? — спросила она.

Муж молча взял ее под руку, они долго тряслись в метро, потом Роберт довел Эмму до новостройки, они вошли в подъезд, он открыл ключом дверь и сказал:

— Осматривай наши апартаменты.

— Чьи? — ахнула Эмма.

— Наши, — повторил Роб. — Твои и мои.

Эмма, не веря своим глазам, пробежала по комнатам.

— Господи! Огромная кухня, гардеробная, кладовка, лоджия! Здесь можно сделать детскую, там нашу спальню, слева гостиную. Роб! Это шутка? Да? Или сон?

— Нет, — улыбнулся супруг, — это правда. Реальность.

— Господи, — перепугалась Эмма, — такое жилье стоит целое состояние. Откуда у нас деньги?

Роберт рассказал жене следующую историю.

Некоторое время назад его вызвал Игорь Кириллович Маслов, начальник департамента кредитования, и сказал:

— Роберт Германович, руководство нашего банка объявляет внутренний закрытый конкурс. Для участия в нем директорат отобрал несколько человек, лучших из лучших. Тому, чей проект победит, достанется в качестве награды новая квартира. Половину ее стоимости оплатит банк, а вторую сам владелец, ему «Крос» предоставит беспроцентную ссуду. Апартаменты выделяет один из наших клиентов, владелец крупного строительного бизнеса, поэтому стоимость квадратного метра не рыночная, а значительно ниже.

— Сказка просто, — выдохнула Эмма, — или розыгрыш.

— Сам так подумал, — признался Роберт, — но беседу вел Маслов, а он не из тех, кто языком мелет. Серьезный мужик. Не болтун. И шутить он вообще не умеет. Я очень постарался, выполнил конкурсное задание. Честно говоря, не рассчитывал на победу.

Начальник департамента мне имен соперников не открыл, но понятно, что они из топ-менеджмента. Я вообще не понимал, почему допущен к конкурсу, это не мой уровень. Я исполнительный клерк, не более того. Но когда я выиграл, Игорь Кириллович объяснил: меня позвали для эксперимента. Надеялись, что человек, который никогда не сидит на стратегических совещаниях, нестандартно посмотрит на проблему. И мне это удалось.

Не веря собственному счастью, боясь, что все это сон, Эмма запаковала нехитрое имущество, и Шмидты перебрались в хоромы.

ГЛАВА 3

Но не успела Эмма осознать, что является владелицей шикарного жилья, как в банке случилась беда.

В «Кросе» есть залы с ячейками. Один большой — для всех. Второй значительно меньше, с отдельным входом — в противоположной стороне подвала, там арендуют сейфы VIP-клиенты. Днем около входа в зону ячеек дежурит охрана, мимо которой без разрешения даже муха не пролетит. Но на ночь секьюрити уходят. Хранилище расположено в подвале, здание банка последнее на улице, с трех сторон его окружает сквер, где любят гулять мамы с детьми, с четвертой проходит шоссе. Лифт на минус первый этаж не идет, вход на лестницу блокирует надежная сейфовая дверь, вокруг висят видеокамеры, у главного входа в банк дежурит круглосуточный пост. В восемь вечера, когда последний сотрудник покидает здание, тщательно запирается доступ ко всем подъемникам, с помощью которых можно попасть на разные этажи,

перед ними опускаются стальные решетки. Такая же защита на лестницах и у главного входа. Если кто-то позвонит в дверь, охрана сразу увидит, кто в неуточный час жаждет войти в банк. Понятное дело, его не впустят. До утра «Крос» неприступен, как форт.

Представьте изумление и ужас охраны, когда утром перед началом работы в зону ВИП-ячеек вошел один из секьюрити и с воплем «Ограбили!» вылетел наружу. Его коллеги ринулись внутрь, перед ними открылось шокирующее зрелище. Дверцы многих ячеек были вырваны, на полу валялись документы, коробки, деньги, одна секция с железными шкафами лежала на полу.

Понятное дело, на место преступления прибыли специалисты, началось следствие. Когда приехавшие эксперты разобрали завалы на полу, подняли упавшую конструкцию, под ней обнаружилось тело Стеллы Григорьевой, заведующей депозитарием. В процессе дознания всплыло имя Роберта Шмидта. Отпечатки его пальцев обнаружили на ручке двери ВИП-зала, на выключателе. Шмидт не входил в немногочисленную группу работников, которые имели доступ в ВИП-отсек. Довольно быстро установили, что причиной разгрома в комнате и смерти сотрудницы явился взрыв. Устройство, которое его вызвало, находилось в одной из ячеек упавшей секции. Стелла приблизилась к сейфам. Далее не понятно. То ли она хотела открыть ячейку, то ли просто стояла в неподходящем месте. Григорьеву убило взрывом, она упала на пол, сверху на нее свалилась стойка. И вот основная улика: на останках ячейки, в которой находилась взрывчатка, тоже нашли «пальчики» Роберта.

Эмма, конечно, знала, что стряслось в банке, муж рассказал ей об ограблении. Но она пребывала в уверенности, что супруг ни малейшего отношения ко всему этому не имеет. Арест Роберта стал для нее шоком. Некоторое время от него не было никаких вестей, потом госпожу Шмидт вызвал следователь. На растерянную, ничего не понимающую, испуганную бухгалтершу упала лавина ужасной информации. Роберт, по мнению следователя, был организатором преступления. Он после окончания рабочего дня затаился в служебных помещениях, не ушел домой, а ночью заложил в VIP-зоне взрывчатку. Зачем он это сделал? В хранилище держал уникальные драгоценности Вениамин Шанхаев. Коллекция находилась в банке по требованию страховой компании, которая не хотела выплачивать миллионы долларов владельцу, если кольца-ожерелья украдут. Ежу понятно, что Шмидт охотился за золотом с камнями. Эксперты нашли массу осколков камушков, частей оправ разных цацек. Сейф Шанхаева находился прямо над ячейкой, где случился взрыв. Как выяснилось, в одном из соседних отсеков хранились не имеющие особой материальной ценности изделия из позолоченного металла, недорогих камней, которые издали выглядели роскошными изумрудами и рубинами. Бижутерия принадлежала умершей знаменитой оперной певице, матери VIP-клиентки. Если бы колье из эрзац-голдена¹ с ограненным горным хрусталем носила простая гражданка, его дорого

¹ Эрзац-голден — позолоченный металл, который часто используют для создания дорогой бижутерии.

не продали бы. Но вещи солистки, у которой до сих пор миллионная армия фанатов, оцениваются очень высоко. Исполнительница партии Татьяны Лариной и других заглавных партий обожала все блестящее. Почему она не покупала настоящие драгоценности? Ну, этот вопрос следователь задавать не стал. Хотя и так понятно: у примы на шее сидела огромная семья бездельников. Ей элементарно не хватало денег. К чему столь длительный рассказ о голосистой даме? А к тому, что ее сокровищ было много, они еле-еле влезли в ячейку. Часть того, что люди хранили в сейфах, погибла при взрыве, энное количество превратилось в крошево, осколки разной величины усеяли все вокруг. Пожалейте экспертов, которые собирали каждую частичку. Естественно, от уникамов в ячейке Шанхаева должно было остаться хоть что-то. Ан нет! Все привезенное в лабораторию являлось чем угодно, но не дорогими камнями и золотом-платиной. Напрашивался вывод: в VIP-зоне найдены отпечатки пальцев Роберта, который не имел туда доступа. И следов раритетов Шанхаева там нет. Вывод: Шмидт украл ювелирную коллекцию и потом взорвал сейф. То, что на месте преступления должно обнаружиться хоть немного осколков, преступник, далекий от криминалистики, не подумал.

Следователь Лев Сергеевич Боронов разговаривал с Эммой жестко, задавал вопросы: откуда у семьи новая квартира, деньги на мебель?

— Муж выиграл ее в конкурсе, который объявил банк, полстоимости за жилье внесло его начальство, — лепетала Эмма, — на вторую часть нам дали беспроцентную ипотеку.

Эмму отпустили, но через день снова велели приехать. Лев Сергеевич налетел на бедняжку, как гриф.

— Никакого конкурса и в помине не было, никто о нем не слышал.

— Игорь Кириллович знает, — возразила Эмма, — он с Робом беседовал.

— Давайте начистоту, — вкрадчиво произнес Боронов. — Роберт Германович — сотрудник среднего звена, его никак нельзя считать топ-менеджером. С какой стати приглашать середняка участвовать в закрытом конкурсе для лучших специалистов?

— Маслов объяснил, что директорат хотел знать мнение человека, который не бывал на совещаниях у руководства, — прошептала Эмма. — В рабочие дела Роба я никогда не лезу, подробности не расскажу. Но знаю, что мой муж очень умный, по служебной лестнице он не поднимался из-за отсутствия нужных знакомств.

Лев Сергеевич начал водить мышкой по коврику.

— Игорь Кириллович сообщил, что Шмидт — отличный исполнитель, нужный винтик в машине, ни разу на службу не опоздал, но никогда не задерживался в офисе. Это так?

— Да, — согласилась Эмма. — Роб пунктуальнее самолета. Его рабочий день завершался в девятнадцать ноль-ноль. В восемь супруг всегда входил в дом, выгуливал собаку, ужинал, помогал мне детей укладывать, потом мы телевизор смотрели.

— В подъезде вашего дома дежурит консьержка, — не утихал Боронов, — Мальцева Екатерина Николаевна.

— Да, баба Катя, — согласилась Эмма.

— Она уходит домой в двадцать ноль-ноль, — продолжал Лев Сергеевич, — лифтерша прекрасно знает господина Шмидта, пять раз в неделю она с ним на пороге сталкивается, и происходит всегда один и тот же диалог: «Добрый вечер, вы домой уходите». — «Добрый вечер, а вы домой уже пришли». За короткое время, что вы живете в новой квартире, Екатерина Николаевна привыкла к встречам с Робертом, они стали традицией. Но! Вечером, накануне ограбления банка, Роберт, точный, как космический корабль, в двадцать ноль-ноль в подъезд не вошел. Мальцева подумала, что он уехал в командировку. И она очень удивилась, когда на следующее утро, придя на работу, столкнулась со Шмидтом, который как раз входил в подъезд.

— Да, — согласилась Эмма. — Роберт появился, когда дети в школу собирались. Он мне вечером позвонил, сказал, что его попросили отвезти пакет. Поэтому и задержался, ездил в Подмоскowie.

— Разве ваш муж курьер? — вздохнул следователь. — И вот странность! Сверток клерк доставлял именно в день ограбления. Знаете, что я думаю? Роберт ушел из банка, это подтверждает охрана, потом, пока мы не знаем как, он проник назад, украл ювелирку, заложил взрывчатку и покинул помещение. Но, на беду, именно в этот момент приехала Стелла. В появлении ночью начальницы депозитария нет ничего необычного. VIP-клиенты имеют круглосуточный доступ к своим сейфам. Если банк завершил работу, они просто звонят Стелле, та приезжает и открывает хранилище. Ее и по ночам вызывают. В день, когда пропали драгоценности Шанхаева,

Григорьева позвонила в дверь банка, ей, естественно, открыли. Электронная система зафиксировала ее появление, Стелла расписалась в книге. Короче, были соблюдены все необходимые формальности. Более в «Крос» никто ночью не заявлялся. Почему секьюрити не смутило отсутствие клиента и то, что Стелла не вышла? В обязанности охраны не входит следить за начальницей депозитария. Мало ли зачем Григорьева направилась в подвал! Она имеет на это право и может сидеть в зале ячеек сколько ее душе угодно. Некоторые клиенты доверяют ей забирать их вещи или класть что-то в сейф.

Лев Сергеевич постучал ладонью по столу.

— Учитывая все вышесказанное, суммирую. Вашему мужу заплатили за взрыв и кражу ювелирки. Полученную сумму он потратил на квартиру. Нет никакой ипотеки. И не было. Маслов о беспроцентной ссуде клерка не слышал. Кстати, за апартаменты Шмидт перевел полную стоимость, не оплачивал вторую половину частями. Не стоит вам радоваться, скорей всего жилье конфискуют. Ступайте пока домой.

— Почему «пока»? — затряслась Эмма.

— Муж и жена — одна сатана, — отчеканил Боров. — Роберт Германович совершает дорогую покупку, а вы в неведении? Полагаете, что мы не сможем доказать, что вы знали о планах преступника? Ступайте домой. Пока.

Эмма ушла, не чуя под собой ног, утром явилась на работу вся в слезах. Семен стал расспрашивать ее, пришел в негодование, позвонил адвокату. Тот мигом приехал и успокоил Эмму:

— Не рвите нервы в клочья. Это обычный прием. Следаки любят доводить родственников подозреваемых до истерики, запугивать их. Цели у полицейских разные. Одни хотят выцыганить взятку, другие надеются из членов семьи нужную информацию вытянуть. Что Боронову надо, я пока не знаю, но скоро выясню. Одна вы более к нему не ходите. Теперь я вас буду сопровождать.

Но Лев Сергеевич оставил Эмму в покое. Не стоит думать, что он устыдился своего поведения и решил не третировать мать двух несовершеннолетних детей. Следователь притих из-за того, что Роберт решился на самоубийство. К счастью, его попытка не удалась, клерка в бессознательном состоянии вынули из петли.

Собеседница закрыла ладонями лицо.

— При СИЗО есть медпункт. Но какой там врач? Роба просто на койку положили, ждали его смерти. Но он вопреки всему не умер. Несколько дней был без помощи... Спасибо адвокату, тот такой шум устроил. Сейчас Роберт лежит в платной клинике, дышит сам, но не приходит в сознание. Доктора поражены: чудо, что мой супруг выжил. Как правило, те, кто вешается, сразу умирают. А у нас есть надежда на восстановление мужа. Спустя недели две после того, как Роба определили в хорошую больницу, в наш почтовый ящик бросили письмо. Вот, читайте.

Эмма открыла сумочку, достала конверт и протянула мне.

Я вынул помятый тетрадный листок и стал разбирать текст, написанный шариковой ручкой:

«Мурзелька! Не верь. Я не виноват. Я устроил взрыв? Господи! Мурзелька! Да я лампочку ввернуть не могу. Да, во время срочной службы меня приписали к саперам. Но это только на бумаге. В реальности меня отправили к генералу денщиком. Мурзелька! Я ни одной мины не видел, а в личном деле записано, что я стал взрывотехником. Домработником я два года пахал. А документы, что я курс взрывных наук освоил, мне генерал дал, я в анкетах обязан указывать: военнообязанный, взрывотехник. Мурзелька! Ты же у нас все дома чинишь! Я у тебя леворукий. Мне не верят. Обещают пожизненное заключение. Сказали: ипотеки нет. Как? Я ее платил! Они говорят: «Нет». Игорь Кириллович предложил мне участвовать в конкурсе. Следователь спросил: «Кто еще кроме вас состязался?» Так я не знаю! Маслов фамилии участников не называл. Сообщил только: «Конкурс закрытый, для самых лучших сотрудников». Все. Мурзелька! Разве просто так квартиру дадут? Я платил ипотеку! А теперь нет следов денег. Но я их приносил! Честное слово! Отдавал Игорю Кирилловичу. Лично. Я же тебе все рассказывал. Что происходит? Не понимаю, Мурзелька! Со мной в камере очень умный человек сидит. Юрист крупной корпорации. Он четко объяснил: мне с такими уликами светит большой срок. Навряд ли пожизненное. Но дадут много. Ты станешь женой уголовника, Катя и Герман — детьми преступника. Понимаешь? Мурзелька! Семен — порядочный человек, но держать главбухом женщину, муж которой депозитарий взорвал, он не станет. И никто не пожелает. И на детях клеймо. Мурзелька! Я принял решение. Если уйду до того,

как меня отдадут под суд, то никто не имеет права Шмидта преступником считать. Этот штамп ставит судья. До вынесения приговора я честный человек. Мурзелька! Я люблю тебя. Я люблю Катюшу и Германа. Я сам принял это решение. Так будет лучше для всех. В первую очередь для меня. Сидеть за колючей проволокой, знать, что семья голодает... И квартиру отнимут. А комнату мы продали, чтобы деньги в ипотеку вложить. Вы очутитесь на улице. Нет! Мурзелька. Я люблю тебя. Я люблю детей. Я ничего плохого не совершал. Не верь следователю. Не верь. Мне жаль Стеллу, она была хорошая девушка, умная, молодая, а уже начальник. Пожалуйста, верь мне. Ребятам скажи, что папа уехал в командировку. А там ему плохо стало. Сердце отказало. Инфаркт. Тело тебе отдадут. Мне тут рассказали: труп осужденного родственники не получают. А я честный человек. Мне приговор не зачитывали. Квартиру не отнимут. Мурзелька, ты мать двоих несовершеннолетних детей, апартаменты — единственная недвижимость в нашей собственности. Не отнимут их. То, что ипотеки нет, против меня работает. Но раз ее нет, то и долга банку нет. Здорово! Я люблю тебя, Мурзелька. Я люблю детей. Все. Я ушел. Ваш папа. Твой Мурзень».

Я оторвался от сумбурного текста.

— Это наши тайные прозвища, — прошептала Эмма, — папа Мурзень, мама Мурзелька. Роб не мог сделать то, что ему приписывают. Невозможно это. Знаете, даже консервные банки я сама открываю. Муж вечно открывалку не так ставит, ломает ее или пальцы режет. Роберт замечательный человек, лучший отец и супруг, но он не способен ничего руками

делать. Есть мужчины, которые сами люстру вешают, шкафы чинят... А у нас этим я занимаюсь, научилась дрелью профессионально орудовать. Зато Роб, как с работы придет, сразу детей в охапку. Уроки он с ними делает, книги они вместе покупают, готовят. Муж кулинарные рецепты собирает, роскошно бууженину запекает, ребята мясо чесноком шпигуют. По выходным мы всегда то в музей, то в парк, то в театр ходили. Понимаете, гвоздь вбить или шуруп в дюбель ввернуть я могу, на крайний случай мастера позову. А где такого отца детям найти?

Эмма молитвенно сложила руки:

— Вы же нам поможете? Найдете настоящего бандита, того, кто взрыв устроил?

— М-м-м, — протянул я.

— Он точно связан с банком, — вдруг сказала Эмма и чихнула.

— Почему вы так решили? — заинтересовался я.

Она начала теревить край рукава.

— У нас хороший дом, но стоит на отшибе, район не самый благополучный. Консьержка есть, но она, скажу прямо, ленивая. Придет утром, когда все на работу бегут, посидит пару часиков и куда-то смоеется. Вернется часам к четырем. К сожалению, в подъезд заходят вандалы. Они регулярно ломают домофон, а еще поджигают почтовые ящики.

Эмма открыла сумку и вынула файл, в котором лежал обгоревший листок.

— Вчера опять кто-то со спичками баловался. Вот что я нашла.

Я взял протянутый файл. «Роберт невиновен. Его подставили. Преступник в банке...»

— Дальше все сгорело, — пояснила Шмидт.

— Вы показывали это следователю? — спросил я.

— Нет, — ответила Эмма, — нашла вчера перед сном. Роб уже был в больнице. Я к Боронову ни за что не пойду. Он уверен, что мой супруг виновен. Помогите нам.

— Следователь говорил с Масловым? — уточнил я.

— Да, — прошептала Эмма, — а тот сказал: «Шмидт врет. Все неправда. В ВИП-зал я его не посылал. Пакет не давал. Про конкурс никогда не слышал. Кредит ему не давал».

— Надо побеседовать с Масловым, — вздохнул я.

— Не получится, — еле слышно пролепетала собеседница, — я не успела вам еще рассказать. Он погиб.

— Умер? — уточнил я.

— Его грабитель убил, — пояснила Эмма. — Сейчас объясню. По телевизору об этом в программе про криминал рассказывали. Игорь Кириллович позвонил жене, сказал: «Сейчас поставлю машину в гараж и приду, грей ужин, я голоден как волк».

Супруга поспешила к плите, муж все не появлялся, а его мобильный почему-то оказался выключен. Сын начальника департамента пошел к гаражам и увидел тело отца. Полиция ни на секунду не усомнилась, что тот стал жертвой угонщика. Игоря ударили сзади по голове тяжелым округлым предметом, возможно, палкой. Бедняга умер почти мгновенно. У него были вывернуты карманы, пропали часы, золотой нательный крест, платиновый зажим для галстука, кошелек, мобильный. И гараж оказался пуст, новый автомобиль угнали. Ужасно! Его бедная жена теперь вдова.

Шмидт чихнула, я сделал то же самое.

— Простите, я так отреагировал на запах духов, который плавает в воздухе.

— Вы тоже его ощущаете? — оживилась главбух. — Ужасный аромат. Какие-то модные духи, ими многие обливаться стали. У нас в бухгалтерии их Нина купила, так все взмолились: «Не пшикайся на работе». Тяжелый парфюм, въедливый, от него вмиг голова болеть начинает. А в последнее время им то в магазине, то в метро, то в подъезде воняло, когда я обгорелое письмо вынула. У меня от стресса обоняние шалит и нервы ни к черту, мне стало казаться, что в спину чьи-то глаза смотрят. Роб сейчас без сознания, но он специально в себя не приходит, потому что понимает: как только очнется, следователь его хватя! Муж очень умный, поэтому и не хочет очнуться. Но когда вы найдете настоящего преступника, тогда я приеду в клинику и скажу: «Мурзень! Клеймо преступника с тебя сняли. Настоящий мерзавец за решеткой». Вот тогда он сразу глаза откроет, и мы вместе уедем к нашим детям, которым папа очень-очень-очень нужен. Да? Верно я говорю?

В глазах Эммы горела такая надежда, такая вера в выздоровление мужа, такая уверенность, что, услышав о своем оправдании, ее любимый Мурзень мигом вскочит с больничной койки, что я не нашелся что ответить. Я впервые за свою карьеру детектива растерялся и лишился дара речи.

Слава богу, что именно в этот момент из коридора послышался голос:

— Эмма! Куда ты подевалась? Софья Абрамовна приехала!

Шмидт вскочила:

— Простите, я вынуждена уйти.

Дверь хлопнула, а в моем кармане запищал сотовый. Я достал его. «Ваня, ответь же! Время уходит. Как павлин какает?» Меня охватило удивление. Номера в контактах нет, но человек меня знает, обращается по имени. Но ведь можно поменять набор цифр и забыть сообщить об этом приятелям. Ну почему многие люди не подписывают эсэмэски? Они думают, что по фамилии, которая высветится на экране, я пойму, кто меня беспокоит. Но может ведь получиться, как сейчас!

Я быстро написал: «Добрый день, кто вы? Представьтесь, пожалуйста. Иван Павлович». Ответ прилетел мгновенно: «После всего, что у нас было, и после твоих слов «Я всегда приду на помощь, только позвони» вопрос про имя меня удивляет. Леночка. Надеюсь, ты помнишь, кто я? Ответ скорей: как какает павлин?»

Я почесал в затылке. Леночка! И у нас с ней что-то было! Что именно? Мы вступали в интимные отношения? Я напряг память. Слава богу, я пока не попал в цепкие когти склероза, помню всех, с кем состоял в более или менее длительных отношениях. И есть среди них Елена, но она предпочитает отзывать на Элен, давно уехала жить с мужем в Испанию, и ее точно не интересуют фекалии птицы с роскошным хвостом. Однако, как у большинства лиц сильного пола, у меня случаются и мимолетные встречи. Сразу оговорюсь: я не любитель беспорядочных связей, не гоняюсь за каждой юбкой, но порой... М-да! Грешен. Один раз вообще предавался

греху в машине. Понимаю, в это трудно поверить, но было. Как звали ту женщину?

Я тяжело вздохнул: Таня, Маша, Аня, Катя... Может, Лена? Убей бог, не помню. Все произошло очень быстро, я вышел из театра, лил сильный дождь, поэтому я остался под козырьком подъезда. Рядом оказалась дама, которая тоже смотрела спектакль. Пару минут мы беседовали с ней о катаклизмах природы, потом она пожаловалась:

— Не принято в театр с большой сумкой ходить, я взяла клатч. Зонтик в него не влезает, подумала, дождя синоптики не обещали. И вот, пожалуйста! Стоять мне тут до утра.

Как должен поступить мужчина, которому адресовались сии слова? Естественно, я предложил:

— Могу довезти вас до метро.

Она обрадовалась, сняла туфли, я накинул на голову новой знакомой свой пиджак. Через несколько секунд мы очутились в моей машине. И тут на платье незнакомки на спине лопнула молния. Я попытался ее починить... Вот как-то так и получилось. Потом я довез даму до метро. Все. Да! Молнию мне удалось исправить. Может, это она? И где находился мозг господина Подушкина, когда он диктовал незнакомке свой телефон? Явно не в голове, а значительно ниже. О господи! Лена! Лена! Это же сестра художника, который пригласил Nicolette с мужем к себе на выходные. Владимир, мой отчим, живо нашел причину отказаться, маменька потащила с собой меня. Мы провели в деревне три дня и две ночи. У живописца гостила ближайшая родственница, звали ее Лена. Краткосрочный роман завершился, когда я уехал

в Москву. Похоже, это она сейчас задает странные вопросы. Не мог я дать контакт даме из театра, да и она, скорей всего, не желала его знать, помнится, на пальце у нее было обручальное кольцо.

Дверь открылась, в кабинет вошел Семен.

ГЛАВА 4

— Что скажете, Иван Павлович? — поинтересовался владелец магазина.

Я решил быть откровенным:

— Если все обстоит так, как описала Эмма, то возникают сомнения в виновности Роберта. Но есть некоторые нестыковки в ее истории. И учтите нюанс: почти все родственники преступников уверяют, что их близкие ни в чем не виноваты, арестованы и осуждены по ошибке, сидят на зоне за чужие грехи, так как у семьи денег на взятки не нашлось. Но сие неправда. Да, случается, что в бараке оказывается тот, кто не совершал преступления, но основной контингент получает по заслугам. И мужья порой не выкладывают женам все до последней капли. Вероятно, Роберт очень хотел получить новую квартиру для своей семьи, поэтому и решился на преступление. Но...

Я замолчал.

— Но? — повторил Семен.

— Письмо, — продолжал я. — Вы его читали? Оно очень искреннее, понятно, как автор нервничал. Зачем лгать перед смертью? Обычно на краю могилы люди говорят правду, хотя... Я знаю и иные случаи.

— Вы сомневаетесь в виновности Роберта? — обрадовался Занавесин.

— Не хватает информации, чтобы делать выводы, — объяснил я. — Я выслушал пока одну сторону, признаю, не самую объективную. Зададим вопрос: мог ли Шмидт один спланировать взрыв, осуществить его, а перед этим похитить драгоценности и продать их? Неужели все ключи от депозитария и ячеек валяются где попало? Уж, наверное, их хранят в надежном месте. Имеет ли возможность клерк средней руки добыть пропуск в зал ВИП-ячеек? Если я правильно понял, ювелирные изделия Шанхаева уникальны, сбывать такие не просто, в ломбард их не понесешь. Чаще всего эксклюзивные украшения крадут под заказ. Вызывает настороженность смерть начальника департамента, который пригласил Роберта участвовать в конкурсе. Его убили вскоре после взрыва. Да, Москва — город, где высок уровень уличной преступности. Но смерть Игоря Кирилловича... Может, она не связана с происшествием в банке?

— Меня удивило, что взносы Роберт приносил Маслову наличными, — добавил Семен. — Я выплачивал кредит на машину. Иногда приходил с рублями в кошельке, но всегда шел в кассу. Я давно пребываю в уверенности, что современные финансисты купюры только в банкоматах видят, когда лично им казначейские билеты нужны. На работе у них деньги виртуальные, они со счета на счет переползают.

— Предположим, Роберт соврал про конкурс и на самом деле взорвал ячейки, но тогда у него был сообщник, — предположил я, — человек, который стоит выше на служебной лестнице, имеет доступ в депозитарий и к ключам. А квартира — плата за преступление. Если же Шмидт говорил правду и Игорь

Кириллович обманул его, то возникает подозрение, что самого Маслова убил не простой грабитель. В этом деле есть еще кто-то. В любом случае в «Кроссе» работает некто из организаторов взрыва. Об этом написано в анонимке, которую получила Эмма, да и я начинаю так думать. Неизвестный пока участник преступления забрал украшения. Роберта использовали втемную или он состоял в сговоре? Ответа на сей вопрос я не знаю. Но думаю, что организатор преступления на свободе. Вопрос: нужно его искать или нет?

— Конечно, да, — без задержки заявил Занавесин. — Тогда в случае вины Шмидта, раз соучастников много, Робу меньший срок дадут.

— Нет, — возразил я, — наоборот, нарушение закона в составе группы утяжеляет наказание. Преступление не сосиска, оно не становится меньше, если много едоков.

— Неужели? — удивился владелец магазина. — Я думал иначе. Иван Павлович, вы беретесь за эту работу? Я оплачу все счета.

Я на секунду задумался.

— Не гарантирую успех, не обещаю, что смогу стопроцентно доказать невиновность Шмидта. Вдруг получится наоборот, и я выясню, что клерк замешан в деле?

— Нужна правда, — отрезал Занавесин.

— Попробую ее откопать, — сказал я, вынул из кармана звонивший мобильный и, не глядя на экран, приложил его к уху: — Лена, добрый день. Понятия не имею, как какает павлин. Не могу дать ответ на ваш вопрос.

— Вава, ты сошел с ума? — ехидно осведомилась Николетта. — Перегрелся на пляже?

Учитывая, что за окном промозглая московская зима, вопрос про пляж прозвучал весьма уместно.

— Прости, Николетта, не думал, что это ты.

— Немедленно прекрати думать! — велела маменька. — Купи вещи по списку. Сию секунду!

Послышался гудок, в трубке повисла тишина.

— С удовольствием, — улыбнулся Семен.

— Простите? — не понял я. — Вы о чем?

— Вы сказали: «Понятия не имею, как какает павлин», — пояснил Семен. — Подсказываю правильный ответ: «С удовольствием». Это старая загадка из серии «Из какой посуды никто не ест? Из пустой».

— Спасибо, — обрадовался я, и тут опять пришло эсэмэс от Елены:

«Ваня, как какает павлин? Ну, пожалуйста! Ты же обещал помочь!»

«С удовольствием», — ответил я.

Обсудив с Занавесиным условия нашего договора, я сел в машину и открыл сообщение от Николетты.

«Вава! Срочно! Хрустальный шар с подсветкой. Клетка с совой. Карты Таро. Магические камни. Черный кот. Свечи. Коврик пяти волшебств. Денежный веер. Перья лысого ежа. Сделай фото витрины, скажу, какие брать. Быстрее. Люди уже идут».

Я давно смирился с капризами Николетты. Не стану роптать, если маменька отправит меня в три утра за мороженым, просто поеду в круглосуточный супермаркет. Я с младых ногтей уяснил: лучше выполнить приказ маменьки, чем пытаться объяснить ей глупость распоряжения. И тут раздался звонок.

— Вава! Ты заснул? — заорала Николетта. — Поехал за покупками?

— Нет. Потому что...

— Меня не волнует, по какой причине ты не сдвинулся с места. Включи свой мотор на пятую скорость! — заголосила родительница.

— У меня его нет, — вздохнул я, — у людей двигатель отсутствует.

— Отлично знаю, как ты умеешь деликатно хамить, — сменила крещендо на шипение маменька. — Помню, как в субботу Ньюка Шерметова-Шанхаева показала пальцем на твою позорную дворнягу с простонародно-лапотным именем Геракл и спросила: «Вава, чем ты лечишь его блох?» И что ты ответил? «Зачем им лекарства? Блохи моей собаки ничем не болеют».

Я молча слушал Николетту. Похоже, она забыла, что моя «позорная дворняга» ранее считалась ее любимцем, элитным кобелем по кличке Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше. А потом, когда выяснилось, что родословная поддельная, мне пришлось забрать псинку, поелику моя добрая маменька решила усыпить животинку. Вскоре я выяснил, что Людвиг *et cetera*¹ женского пола. Кстати, зовут ее теперь Демьянка. А Геракл не имеет никакого отношения к простонародью и лаптям, это полубог, сын Зевса и земной женщины Алкмены.

— Вава! Ответь! — взвизгнула трубка.

— Укажи адрес магазина, — попросил я.

— Какого?

¹ *et cetera* (лат.) — и так далее.

- Где нужно сделать покупки.
- Езжай, куда надо.
- Так куда?
- Туда!!! Немедленно. Неужели не понятно?
- Прости, нет.
- Боже! За что мне это? Сто раз повторила! Двести! Триста. Центр гадального мастерства «Четвертый глаз».
- Ты не путаешь? — удивился я. — Может, третий?
- Кто?
- Глаз.
- Третий?
- Экстрасенсы считают, что он у человека во лбу, — пояснил я.

Из трубки раздалось криканье, связь прервалась.

Я вбил в строку поиска: «Магазин «Четвертый глаз» и, к своему удивлению, выяснил, что он торгует по всей России аксессуарами для предсказания будущего и располагается в паре минут езды от места, где стоял мой автомобиль.

Телефон снова затрезвонил.

— Вава! Нельзя быть таким дремучим, — зачастила маменька. — Ньюка Шерметова-Шанхаева хозяйка школы, где учат гадалок...

Однако далеко зашел прогресс! Ранее предсказательницы не обременяли себя получением диплома, они, не имея образования, бегали по вокзалам, прося у наивных людей «позолотить ручку», и весьма ловко уговаривали прохожих немедленно снять порчу, которую на них навели с помощью денег. Надо было отдать цыганке всю наличность и вмиг станешь здоровым и выносливым, как помесь бе-

лого медведя со среднеазиатским верблюдом. А теперь существует школа гадальных наук и снятия порчи?

— Ньюка Шерметова-Шанхаева... — тараторила маменька.

И тут меня осенило!

— Николетта, как зовут мужа Ньюки?

— Он не гадает.

— Имя назови, пожалуйста.

— Зачем? Не собираюсь болтать о глупостях. Есть дела поважнее.

— Будь добра, продиктуй телефон Ньюки.

— Вава! Она не пойми кто. Происхождение бабы неизвестно. Даже твой Геракл более родовит, чем она. Красивую фамилию «Шерметова» она сама придумала. Шанхаевой по мужу стала. Кто родители пейзажи, покрыто мраком. Возможно, их вовсе не было! Никогда!

— Николетта, я пришел в магазин «Четвертый глаз», — остановил я фонтан негодования.

— Ну так быстро покупай все по списку! Зачем мне мешаешь? — возмутилась маменька. — Ньюка не нашего круга. Она принята в хороших домах исключительно из-за денег Вениамина Шанхаева. Он несметно богат! Владеет коллекцией драгоценностей! Ньюка не пойми кто. Ты понял? Не смей к ней приближаться! Она тебе не пара! Старая кочерыжка без роду-племени-денег! Даже не смотри в ее сторону. Ходят слухи, что у нее с Шанхаевым разрыв. Ньюка ищет нового дурака. Ты понял?

— Да, — подтвердил я, — буду объезжать ее на велосипеде за три километра.

ГЛАВА 5

За прилавком магазина стояла кудрявая черноволосая цыганка с черными глазами.

— Здравствуйте, — нараспев произнесла она. — «Четвертый глаз» вас ждет. Знаю, Саша, зачем вы пришли.

— Причину моего появления в вашей лавке назвать легко: мне нужны аксессуары для гадания, — парировал я. — Но вы немного ошиблись. Я по паспорту не Александр.

Цыганка оглушительно чихнула. Один глаз у нее стал голубым.

— Не Саша?

— Нет, — улыбнулся я. — У вас линза выпала.

— Не ношу их, — соврала торговка.

— Гляньте в зеркало, которое у вас за спиной висит, — посоветовал я.

— Оно магическое, демонстрирует ваше будущее, — мигом начала расхваливать товар тетушка. — Хотите увидеть, каким вы станете через десять лет?

Не дожидаясь моего ответа, фальшивая ромала, моргая разноцветными глазами, водрузила передо мной довольно большое зеркало в псевдобронзовой раме и просюсюкала:

— Кто там? Чье отражение?

— Мое, — вздохнул я.

— Вай, умница! Герой. Теперь переворачиваю...

Раз, два, три, смотри.

Я снова увидел отражение, но на сей раз на меня смотрело другое лицо.

— Нравится? — поинтересовалась торговка.

— В принципе да. Но несколько неожиданно, — сдавленным голосом признался я.

— Конечно, дорогой, ты постареешь, — запела ромала. — Хочешь, брошу магические камни? Они точно скажут, что тебя ждет впереди.

— Понимаю, что возраст наложит печать на мою внешность, — мирно сказал я, — просто удивился своей трансформации в молодую негритянку.

— Нет, это невозможно, — развеселилась продавщица, — время многое изменит, но сделать из белого мужчины чернокожую девушку оно не способно.

— Я тоже так считал, — согласился я и поставил зеркало лицевой стороной к торговке.

— Это чего? — выпав из роли цыганки, отреагировала тетка.

— Мое будущее, — возвестил я и отвернулся к окну, чтобы не демонстрировать улыбку во весь рот.

— Вероника Сергеевна! — закричала продавщица. — Опять эта хрень не работает.

— Эсмеральда, не шуми, — прозвучал неожиданно хорошо знакомый голос.

Из двери в стене вышла худошавая дама в черном платье.

— Вава! — поразились она. — Какими судьбами?

— Добрый день, Ньюка, — тоже удивился я. — Николетта просила купить здесь по списку вещи, сейчас читаю...

— Лучше отправь мне на ватсап, — велела Шерметова-Шанхаева. — У тебя есть номер?

Я покачал головой.

— Записывай, — приказала дама. — Эсмеральда! Исчезни. Приведи свою внешность в порядок. Сама

обслужу VIP-покупателя. А вот и эсэмэс. Зеркало уже, вижу, на прилавке...

— Надеюсь, оно врет, — заметил я. — Отражаюсь в нем, как юная гражданка Ганы или Замбии. Не хочется мне стать таким спустя десятилетие.

Нюка рассмеялась.

— Вава! С тобой этого не случится. Сейчас все для Nicolette соберу.

— Вы работаете в магазине? — не выдержал я.

— Он мне принадлежит, — засмеялась Нюка, — разве Nicolette тебе не сказала?

— Нет, — пробормотал я и решил издали подобрать к нужной теме: — Я слышал, что у вашего мужа случилось большое несчастье.

— Да? — обернулась хозяйка магазина. — Скорее расскажи, порадуй меня.

— Вы не в курсе? — осторожно уточнил я.

— Если в Интернете еще не сообщили, то нет, — пожал плечами Нюка. — Веня попал под машину? Выпал из самолета?

— У него украли коллекцию драгоценностей, — пояснил я, — взломали депозитарий.

Нюка махнула рукой:

— Ах это! Переживет! Ваня, ты очень милый, скажу тебе правду. Жить с Вениамином невозможно. Он всем недоволен. Нальешь ему чашку кофе, первый вопрос: «Почему не две?» Вене всегда хочется больше, чем он имеет. Мы с ним прожили три года, он меня постоянно улучшать внешность отправлял, требовал импланты вшить, зубы винирами закрыть, сделать нос прямым. Но я на это не соглашалась. Наш брак треснул из-за характера Вени. На развод

он пока не подал, а я и не настаиваю. Знаешь, у меня активирован четвертый глаз. Не путай с третьим, тот во лбу, а следующий по счету в кончике носа.

Нюка пару раз дернула ноздрями.

— Чую запах больших хлопот. Тебе предстоит заниматься серьезными вопросами. Вава! Есть предложение. Ты же владелец детективного агентства?

— Очень маленького, — быстро сообщил я. — Фирма состоит из двух человек: меня и моего секретаря Бориса.

Нюка схватила с полки кубик и кинула его на прилавок.

— Скажи, какая цифра выпала?

— Двойка, — ответил я.

— Понятно, да? — кокетливо пропела владелица торговой точки.

— Нет, — признался я.

— О! Ты не учил нумерологию, — расстроилась моя собеседница. — Ну ничего. Я задала сейчас вопрос духу Банди: «Как помочь Ваве стать владельцем мегаогромного бизнеса?» И выпала двойка. Ответ ясен: тебе нужна партнерша. Я готова взвалить на себя обязанности твоей помощницы.

— Дух Банди может ответить на любые вопросы? — осведомился я.

— Хочешь, он скажет, сколько песка в море, — заявила Нюка.

— Хорошо иметь связь со всемогущим помощником, — заметил я, — наверное, он поможет господину Шанхаеву отыскать баснословно дорогие ювелирные изделия, которые у него из сейфа сперли.

Нюка облокотилась о прилавок.

— Вава, поскольку мы с тобой теперь партнеры, могу поделиться секретиком. Поклянись, что никому его не сообщишь!

Я поднял правую руку.

— Обещаю молчать.

Нюка понизила голос.

— Марта, первая жена Вениамина, ему рога наставила и за границу с американцем свалила. Куда она подевалась, Шанхаев так и не узнал, хотя искал ее упорно. На мне он женился спустя много лет после побега Марты. Я один раз полюбопытствовала: «Почему вы разбежались?» Он так ответил, что повторить не могу. Понятно мне стало: прошел не один год, а до сих пор мужику обидно. Я закрыла тему. Про коллекцию уникальных украшений, естественно, я знаю, но видела ее всего один раз. В прошлом году, когда у Вени случился юбилей, он пир на весь мир затеял, народа тьму позвал. Негоже жене юбиляра бедненько выглядеть. Веня со мной в банк порулил, сейф открыл. Я обомлела от того, что увидела. Прадед Шанхаева, дед, отец — все мужчины в семье были ювелирами, Веня первый, кто ничего не делает! Фрилансер! Он прикидывается художником. Только картин его никто не видел! В банке у Вени истинные раритеты. Мне он на юбилей дал ожерелье и диадему. Не передать словами, какая красота. За мной четыре охранника ходили, их страховая компания ко мне приставила. Ночью уникамы назад в сейф легли. Веня серьезно заявил: «В следующий раз достану что-то отсюда, когда сто лет отмечать буду». Через неделю к нему приехал Вадим Брунов, они в кабинете заперлись. А я...

Нюка кокетливо взглянула на меня.

— Совершенно случайно мимо кабинета шла, дверь была неплотно закрыта, я услышала рычание: «Какого хрена свою бабенку в диадему вырядил? Хорошо, что моя клуша заболела и не пошла на тусню. Охренел фальшак светить?» Веня ему в ответ: «Когда я тебе украшение продавал, предупредил: раз в году оно может «погулять» выйти. Забыл? Объяснил, что это надо для успокоения страховщиков, чтобы не дергались. На месте диадема, на голове у моей жены. Оценку они уже провели, второй раз ее делать не станут. И чего ты запыхтел? Скажи жене: украшения парные. То, что у нее, принадлежало графине Боголюбской, а то, что у Нюки, ранее носила ее сестра княгиня Марковская. Партнерам не моргнув глазом брешешь, а бабе не можешь соврать? Не смейся».

ГЛАВА 6

Нюка снова стрельнула глазами в мою сторону.

— Они еще долго болтали, мне понятно стало: прадед, прадед, дед коллекцию собирали. А вот отец Вени страстным игроком уродился: лошади, карты, кости... Огромные суммы спускал, я знала. Веня его иначе чем «миксер для денег» не называл, сколько ни положи в чашу купюр, а «метелки» их в клочья раздерут. Я после случайно услышанной беседы поняла, что сначала папаша, а потом его сыночек коллекцию распродали. Фейки были в сейфе. Я это теперь точно знаю. Поэтому Шанхаев банк и взорвал.

Нюка усмехнулась и спросила:

— Понимаешь, Вава?

Я прикинулся дурачком:

— Зачем вашему супругу совершать преступление?

Собеседница вышла из-за прилавка и встала рядом со мной.

— Николетта постоянно сетует, что ее сын несообразительный бука, но я с ней не согласна. Милый, ты красавец. А то, что голова у тебя плохо варит, не беда. Когда около Вавы появится умная женщина и...

Нюка взяла меня за руку.

— ...крепко сожмет его ладони, поведет за собой, мозг ему не понадобится. Николетта давно невестку ищет. Но думаю, лучше создавать семью по взаимному чувству.

Я попытался высвободить свою руку, но Нюка держала ее хваткой бультерьера, она еще теснее прижалась ко мне и промурлыкала:

— Дорогой, сейчас предельно ясно растолкую то, чего ты не понял.

Я задержал дыхание. Объясните, почему курить в общественных помещениях нельзя, а обливаться удушающе вонючими духами можно? Не люблю табачный дым, но, ей-богу, он лучше, чем конфетно-взвешенный аромат, который исходит от Шанхаевой.

— Ювелирка застрахована на офигенные деньги, — пела тем временем Нюка, — продать ее Веня не мог. Ему нужно при этом предупредить страховую компанию, та провела бы переоценку, изменила полис. И конечно, пошел бы слушок, что у Шанхаева дела плохи, он распродает семейное достояние. Но если втихую каратики сдавать такому, как Брунов, положить в сейф копию, жену в фейке на вечер вывести, то никто, включая страховщиков, ничего

не заподозрит. Когда же вся коллекция фальшаком станет, надо соврать, что ее сперли. Тогда еще и вознаграждение получишь. Старый трюк. Странно, что ты о нем не слышал.

— А почему Брунов не хочет сообщить о приобретении диадемы? — поинтересовался я.

Нюка по-хозяйски одернула мой пуловер.

— Хороший кашемир, дорогой. Вава, ты всегда достойно одет. Немного старомодно, но в этом есть свой шарм. Глупыш! Брунов именует себя журналистом. Ха! Где его статьи? Мужик каким-то незаконным бизнесом ворочает, налоги не платит. Откуда у него, человека без большого стабильного дохода, деньги? Только он диадемой похвастается, как его за хвост схватят.

— М-м-м, — промычал я.

Нюка улыбнулась:

— Видишь, Вава, я много знаю. Мы с тобой чудесная пара, оба из хороших семей. Происхождение огромную роль играет. Например, Николетта, она член «Общества аристократов России». Уж извини, у твоей матери характер не сахар, она резка в суждениях. Но, с другой стороны, ее капризность — свидетельство того, что предки Николетты, графы д'Адилье, веками отдавали приказы дворне.

Я опустил глаза. Нюка даже не подозревает, как она далека от истины. Нет в маменьке ни капли «голубой» крови. Однако я впервые слышу про «Общество аристократов России».

— И я из благородных, — похвасталась Нюка, — урожденная Герасимова.

— О-о-о-о, — на всякий случай восхитился я.